

По г. Благовещенску в Обзорах и за 1904 и за 1910 гг. данные существенно отличаются от данных Ежегодников и СОГ. Возможно, не учитывали иностранцев. В Обзоре Амурской области за 1910 г. по Благовещенску указано, что российские подданных составляли – 59432 чел., иностранцы – 4951 чел. (большинство китайцев-мужчин). Аналогичная ситуация с Владивостоком, в котором на 1910 г. из 84,5 тыс. населения города иностранцы составляли 34,8 тыс. или 41% (преимущественно, китайцы) [11, с. 74]. Таким образом, подтверждается гипотеза о включении/исключении из разряда городского населения некоторых категорий жителей (военных, иностранцев).

Наконец, еще одной причиной разночтений мог быть не учет эпидемий, пожаров и миграции с ними связанных. Так, в Ежегодниках численность г. Туруханска к 1910 г. по расчетам должна была составлять примерно 1000 чел., но в Туруханске население не росло, что видно из Обзора Енисейской губернии и СОГ. В Обзоре за 1913 г. указано, что в г. Туруханске в апреле 1909 г. произошел сильный пожар, после которого административные учреждения и резиденция отдельного пристава с 1909 г. находятся в с. Монастырское, город теряет численность [12, с. 29].

Подводя итог, можно констатировать, что для определения численности городского населения однозначно достоверных источников нет. Фактически, для каждого города на каждом временном срезе требуется изучение обстоятельств формирования населения, учет или неучет разных факторов (переселения, военный контингент, иностранцы, механическое движение по транспортным путям и др.). В целом, сложилось впечатление, что более точные сведения даны в Обзорах и СОГ. Но Обзоры необходимо изучать комплексно за несколько лет. Наименьшие расхождения можно наблюдать по тем городам, на которые меньше влияли переселенческие процессы и другие факторы.

1. Сифман, Р. И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. / Р. И. Сифман // Брачность, рождаемость и смертность в России и в СССР / под ред. А.Г. Вишневого. – М., 1977. – С. 62–82.
2. Кабузан, В. М. О достоверности учета населения России (1858–1917 гг.) / В. М. Кабузан // Источниковедение отечественной истории : сб. статей. – М. : Изд-во «Наука», 1982. – С. 100–118.
3. Маджаров, А. С. Социальная история Сибири 50–80-х гг. XIX в. в материалах всеподданнейших отчетов генерал-губернаторов / А. С. Маджаров, Е. Л. Пономарева // Известия Иркутского государственного университета. – 2015. – Т. 14. – С. 6–17.
4. Зайцев, М. В. Основные статистические источники для изучения развития российского города в XIX веке / М. В. Зайцев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. – 2015. – Т. 15, Вып. 3. – С. 11–18.
5. Кискидосова, Т. А. Губернаторские годовые отчеты как источник по изучению городского населения Восточной Сибири 1850–1880-е гг. / Т. А. Кискидосова // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 412. – С. 50–53.
6. Минаков, А. С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов Российской империи: современные проблемы историографии / А. С. Минаков // Известия вузов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2. – С. 65–74.
7. Ежегодник России 1904, 1910 гг. – СПб., 1905–1911.
8. Обзор Иркутской губернии за 1910. – Иркутск, 1911.
9. Обзор Забайкальской области за 1911. – Чита, 1915.
10. Города России в 1904 и 1910 гг. – Т. 1–2. – СПб., 1906–1914.
11. Обзор Приморской области за 1910. – Владивосток, 1911.
12. Статистический обзор Енисейской губернии за 1913. – Красноярск, 1914.

Левин Е.В.

ПРОБЛЕМА УЧЕТА ЧИСЛЕННОСТИ ЭСТОНСКОГО, НЕМЕЦКОГО И ЛАТЫШСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПСКОВСКОГО, ОПОЧЕЦКОГО И ОСТРОВСКОГО УЕЗДОВ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX В.

Псковскую губернию во второй половине XIX в. активно начинают заселять переселенцы из Прибалтийского края в лице эстонцев, латышей и немцев. Отсюда появилась проблема учёта численности мигрантов. Следует отметить, что этот компонент слабо развит в современном научном дискурсе. Особенно интересен данный вопрос на фоне проводившихся и по сей день переписей населения.

Задача работы состоит в том, чтобы проанализировать систему учёта численности эстонского, латышского и немецкого населения Псковского, Опочецкого и Островского уездов последней трети XIX в. Такие территории были выбраны, как граничащие с Витебской губернией.

При составлении данного исследования мы опирались на следующую методологическую базу. При разработке вопроса мы использовали математический метод при выявлении численности прибалтийского населения на данных территориях. Также применялся аналитический метод при анализе системы учёта переселенцев.

Проблематика учёта численности прибалтийских переселенцев в Псковской губернии второй половины XIX в. нашла отражение в работах Востокова Е. [9], Дементьева В. С. [10], Манакова А. Г. [13] и др. Но в данных исследованиях больше уделено вниманию результатам переписей прибалтийского населения Псковской губернии. Источниками для нашего исследования послужили материалы Государственного архива Псковской области, а именно: делопроизводственная докумен-

тация, находящаяся в фонде полицейского управления, документы о проведении переписи населения и материалы органов городского самоуправления.

На примере этих документов рассмотрим процесс организации учёта прибалтийского населения. В частности, обратимся к документации полицейских учреждений. Здесь содержится информация о числе латышей и эстов /чухон/ проживающих в Псковском уезде с 1871 г. по начало 1890-х, о состоянии переселенцев, о полувозрастном и сословном составе мигрантов, их вероисповедании. Указывается волость, где проживали переселенцы и условия их прибытия. Источники фиксируют информацию о посещении ими учебных заведений. Включение этой информации при учёте населения видится нам важным составляющим в условиях вопроса адаптации эстонского и латышского населения уезда. Хронологические рамки дела следующие: 29 апреля 1881 г. – 21 августа 1890 г. На основании материалов этого документа видим, что с 1871 г. по 1881 г. Паниковскую волость Псковского уезда населяли 233 семьи из эстов и латышей, среди которых числилось 1064 чел. За 1881–1891 гг. в уезд переселилось 2001 латыш и 3086 эстонцев. Среди которых причислены к сельским обществам оказались 802 и 504 чел. соответственно, остальные проживали по паспортам [6]. Подчеркнём, что учёт вёлся с периодом в 10 лет. Поэтому урядники включали в документ информацию о количестве переселенцев за следующее десятилетие. В начале 1880-х гг. запрос о выходцах из Лифляндии и Эстляндии в Псковском уезде псковскому уездному исправнику поступает от губернатора. Первый собирает соответствующую информацию из волостных правлений. Данные от них имеют подпись волостного старшины [6, л. 1–31]. В 1890 г. поступает запрос от статистического комитета «о издавно начавшемся переселении» эстов и латышей псковскому уездному исправнику под подписью председателя комитета и губернатора [6, л. 32]. Затем каждое волостное правление уезда составляло рапорт на имя псковского уездного исправника о запрашиваемых сведениях [6, л. 32–99]. Видимо, сведения уточняли у сельского старосты, рапорт уездному исправнику мог составлять и пристав Псковского уезда [6, л. 56–61]. Подписывал документы о запрашиваемых сведениях волостной старшина.

Каким образом происходила процедура зачисления выходцев из прибалтийских губерний в общества того или иного уезда Псковщины? Попробуем ответить на вопрос. С этой целью рассмотрим документацию о зачислении выходцев из Лифляндии в мещанское общество Порховского уезда 1877–1878 гг. Запрос на вступление в общество писал тот, кто хотел причислиться к таковому, т. е. выходец из Прибалтики на имя мещанского старосты за подписью волостного старшины. Проситель указывал кто он и откуда, прошение о паспорте могло фигурировать [5, л. 3]. Порховский мещанский староста направлял в порховскую городскую управу приговор, где упоминалось о том, кто приписывается в общество. Главным условием для причисления к мещанскому обществу было наличие увольнительного документа с того общества, где ранее приписывалась семья. Помимо этого, предоставлялась справка от полицейского либо волостного правлений о судимости и поведении просителя, иногда могли присутствовать удостоверения о рождении детей [2–5]. Собрание мещан общества г. Порхова рассматривало письменный запрос лифляндского выходца, после совещания каждый расписывался (по безграмотности большинства членов расписывался за всех кто-то один) и мещанский староста ставил печать. Приговор оформлялся в доме городского собрания и после направлялся в псковскую казенную палату, также должно было утвердить порховская городская управа. После мог данный акт удостоверить и полицейский исправник [4, л. 4].

Ещё одним из методов проведения учёта населения является всеобщая перепись населения. Всего существует три метода проведения переписи и одной из них является «опрос – переписчик заполняет документ, исходя из личной беседы с переписываемым лицом, на такой основе были проведены переписи в России и СССР» [12, с. 88]. Скорее всего, перепись прибалтийского населения 1871–1891 гг. тоже велась на основе опроса. Уже при всеобщей переписи населения 1897 г. жителям выдавались переписные листы, Следует отметить, что в переписи 1897 г. был применен оригинальный прием сбора данных. «Переписные листы выдавались заранее: в селах и деревнях за 20–30 дней, в городах – за 5–10 дней. Затем счетчики собирали эти листы и, если нужно, вносили в них изменения, произошедшие уже на критический момент» [11, с. 215]. Он состоял из 14 пунктов, двумя из которых были родной язык и вероисповедание. Графы национальность не было. Перепись носила принципы всеобщности, одномоментности, единой программы и т.д. Здесь фигурировало наличное население. Псковский губернский статистический комитет отправлял уездным исправникам запросы на подсчёт наличного населения и затем исправник того или иного уезда предоставлял информацию [1]. Рапорт представлялся губернатору. По г. Псков данные предоставлял губернатору полицмейстер [1, л. 176]. Следует указать на особенность учёта населения в Островском уезде, где при подсчёте населения пользовались помощью жандармерии Петербургско-Варшавской железной дороги. Данные могли собираться и приставом стана [1, л. 173]. Кроме исходных листов переписи, есть ещё и опубликованная версия переписи. Последняя представляет собой объёмный труд, посвящённый Псковской губернии. В начале дела приводятся общие сведения о населённости различных частей Псковщины, о демографической ситуации,

плотности населения, его движении, занятости и т.д. Далее мы видим многочисленные таблицы, в которых указываются разного вида данные: более точная численность населения по уездам губернии, число народностей и их количество, вероисповедание, грамотность, сфера работы жителей. Такого рода информацию и многую другую можно найти в источнике [7]. Он вышла в начале XX в. В таблице 1 мы отметим различия в первичных и опубликованных данных переписи.

Таблица 1.

Численность прибалтийского населения в Псковском, Опочецком и Островском уездах по опубликованным и первичным данным переписи 1897 г. [1; 7]

Местность	Число латышей	Число немцев	Число эстов
Псковский уезд	3852/3046	1972/164	17725/18836
г. Псков	719/697	1312/1056	633/607
Опочецкий уезд	280/329	294/147	252/198
Опочка	39/14	71/26	-/15
Островский уезд	2929/819	398/13	275/7
Г. Остров	109/185	157/83	52/-
ВСЕГО	7928/5090	4204/1489	18937/19663

Данные исходных листов переписи основаны на сведениях циркуляра главной переписной комиссии [1, л. 194–195]. В опубликованной версии переписи даже есть пометка, что исследования проведены, основываясь на родном языке опрашиваемых. К тому же сведения по уезду включают в себя и городские показатели [7, табл. с. 46–47]. Даже если вычесть из суммы жителей уезда цифру городского населения в опубликованной версии, то показатели последней будут всё равно выше. С чем же это может быть связано? Ответ, наверное, кроется в сложностях подсчёта данных, ошибках при проведении переписи. «Окончательно публикация результатов всенародной переписи Российской империи 1897 г. была завершена только в 1905 г.» [8, с. 48–52]. Сама перепись носила принцип однодневной переписи [8, с. 49]. Это ещё раз показывает, что до этого сведения тоже собирались на основании о родном языке.

Мы видим, что показатели всех дореволюционных переписей основывались на данных о родном языке населения, сведения собирались, исходя из показаний опрашиваемых жителей. За переписью населения всегда обращались к уездному исправнику, к ним сведения поступали от волостных старшин, приставов, полицмейстера. От принципов однодневной переписи в полной мере не отказывались. Всеобщая перепись 1897 г. была знаковым событием в истории России, где были собраны наиболее полные сведения о наличном населении страны. Последние долго публиковались и в конечном итоге цифры получились большие, чем в исходных листах переписи. Судя по всему, принципы подсчёта наличного населения в опубликованной версии переписи, чем занимался центральный статистический комитет, и вышедшей из главной переписной комиссии, различались. Если говорить о механизме зачисления прибалтов в местные мещанские общества, то сначала проситель писал прошение старосте в мещанское общество и потом голосованием всех мещан те решали вопрос о вступлении нового члена.

1. Государственный архив Псковской области (далее – ГАПО). – Ф. 23. Оп. 1. Д. 261.
2. ГАПО. – Ф. 205. Оп. 1. Д. 49.
3. ГАПО. – Ф. 205. Оп. 1. Д. 69.
4. ГАПО. – Ф. 205. Оп. 1. Д. 90.
5. ГАПО. – Ф. 205. Оп. 1. Д. 91.
6. ГАПО. – Ф. 290. Оп. 1. Д. 11.
7. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XXXIV Псковская губерния : Тетрадь 2 (последняя) / под ред. Н. А. Тройницкого. – Санкт-Петербург : издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1903. – XVII, 171 с.
8. Борщик, Н. Д. Первая Всероссийская перепись населения 1897 г.: делопроизводство и документооборот / Н. Д. Борщик // Вестник РГГУ. Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность». – 2017. – № 3 (9). – С. 45–53.
9. Востоков, Е. Латыши и эсты-переселенцы Псковской губернии / Е. Востоков. – Санкт-Петербург : тип. Ф. Елеонского, 1866. – 36 с.
10. Дементьев, В. С. Особенности расселения и этноконфессионального состава населения Псковской губернии по материалам переписи 1897 года / В. С. Дементьев // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Естественные и физико-математические науки». – 2014. – № 5. – С. 60–69.
11. Завьялов, Ф. Н. К 100-летию первой переписи населения России / Ф. Н. Завьялов // Ярославский педагогический вестник. – 2009. – № 2 (59). – С. 214–219.
12. Коркин, С. А. Всероссийская перепись населения. Методологические основы / С. А. Коркин, Д. С. Чуйков // Структурные преобразования экономики территорий: в поиске социального и экономического равновесия : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф., Уфа, 3 января 2022 г. / отв. ред. А. Р. Халиков. – Уфа : ООО «Научно-издательский центр «Вестник науки», 2022. – С. 86–91.
13. Манаков, А. Г. Изменение национального состава населения северо-запада России в XVIII–XIX веках / А. Г. Манаков // Вестник Балтийского федерального университета им. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. – 2016. – № 3. – С. 5–15.